

ДИСКУССИЯ

УДК 930.23+902.2

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ИЛИ СТАГНАЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ*

Владимир Иванов

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
кафедра Всеобщей истории и культурного наследия,
450000, ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Российская Федерация
E-mail: ivanov-sanych@rambler.ru

Целью и задачей своей статьи автор видит в том, чтобы обратить внимание коллег – исследователей истории и археологии Золотой Орды – на состояние источниковой базы по культуре кочевого населения этого государства, которая, по его мнению, в настоящее время находится в парадоксальной ситуации. По имеющимся в его распоряжении данным, на сегодняшний день известно и большей частью опубликовано 1179 кочевнических погребений XIII–XIV вв., оставленных только язычниками. Это в 1,2 раза больше того количества кочевнических погребений X–XIV вв., которыми оперировал в свое время Г.А. Федоров-Давыдов (1966 г.), разработавший типологию и хронологию средневековых кочевнических древностей Восточной Европы. С учетом мусульманских погребений это количество возрастет в 2–3 раза. Вместе с тем, география выявленных и исследованных кочевнических погребений XIII–XIV вв. в степях Евразии обнаруживает явный «перекос» в сторону степей Восточной Европы при практически «белом пятне» на востоке Степной Евразии (рис. 1 и 2) – историческом «генераторе» кочевых народов. Объяснить подобный парадокс можно либо через призму концепции С.А. Плетневой о трех стадиях кочевания, когда от первой стадии не остается никаких археологических памятников, либо источниковой лакуной, обусловленной пониженным интересом исследователей востока степной Евразии к степным кочевническим памятникам эпохи средневековья. Отсутствие подлинно эмпирического подхода к археологии кочевников Золотой Орды вызывает стагнацию познания их истории и культуры. Проявляется это в создании дискурсно-нарративов, доступных только мета-онтологическому восприятию: о Белой

* Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР «Кочевники Золотой Орды XIII–XIV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект №2936).

Орде – обширном государстве к востоку от Яика/Урала; о седентеризации кыпчаков в Улусе Джучи; об автохтонной подоснове кочевников XIII–XIV вв. в Урало-Поволжье и т.п.

Ключевые слова: Золотая Орда, кочевники, кыпчаки, миграция, диалектика, стагнация, дискурс.

Тема настоящей статьи навеяна знакомством с публикациями по археологии кочевников Золотой Орды, вышедшими в регионе в последние годы. Среди них – статьи К.А. Руденко «Булгарский Улус Золотой Орды в правление хана Узбека (по археологическим материалам)» (Золотоордынская цивилизация. № 6. 2013); «Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии)» (Поволжская археология. № 2(4). 2013) и публикация О.Ф. Бытковского, С.Н. Заседателевой, И.В. Матюшко, П.В. Харламова «Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа)» (Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11).

Указанные статьи навеяли мне воспоминания о тех «блаженных» временах последних двух десятилетий прошлого века, когда на весь огромный Урало-Поволжский регион было только два археолога, вплотную занимавшихся поиском и изучением памятников средневековых кочевников: В.А. Кригер и автор этих строк. К настоящему времени ситуация изменилась коренным образом: сейчас в регионе нет археологического центра, в котором не работает специалист по археологии средневековых номадов. Что можно только приветствовать. Это – с одной стороны. И это, по большому счету, в общем-то, и есть диалектика, т.е. *общая теория развития материального мира и вместе с тем теория и логика познания*. И главное: *само слово «диалектика» происходит из древнегреческой философии и стало популярным благодаря «Диалогам» Платона, в которых двое или более участников диалога могли придерживаться различных мнений, но стремились найти истину путём обмена своими мнениями*.

Материала для того, чтобы «найти истину путем обмена своими мнениями» по проблемам археологии и истории кочевников Золотой Орды (речь будет идти только о них) сейчас более чем достаточно. Приведу некоторые цифры: почти полвека тому назад Г.А. Федоров-Давыдов в своей классической монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966 г.) оперировал данными по 998 кочевническим погребениям X–XIV вв., известным тогда в степях Восточной Европы. В настоящее время в электронную базу автора этих строк занесены данные по 1020 погребениям только кочевников золотоордынского периода. Это при том, что мое основное внимание направлено на языческие погребения. Так что фактически их, с учетом т.н. мусульманских, значительно больше.

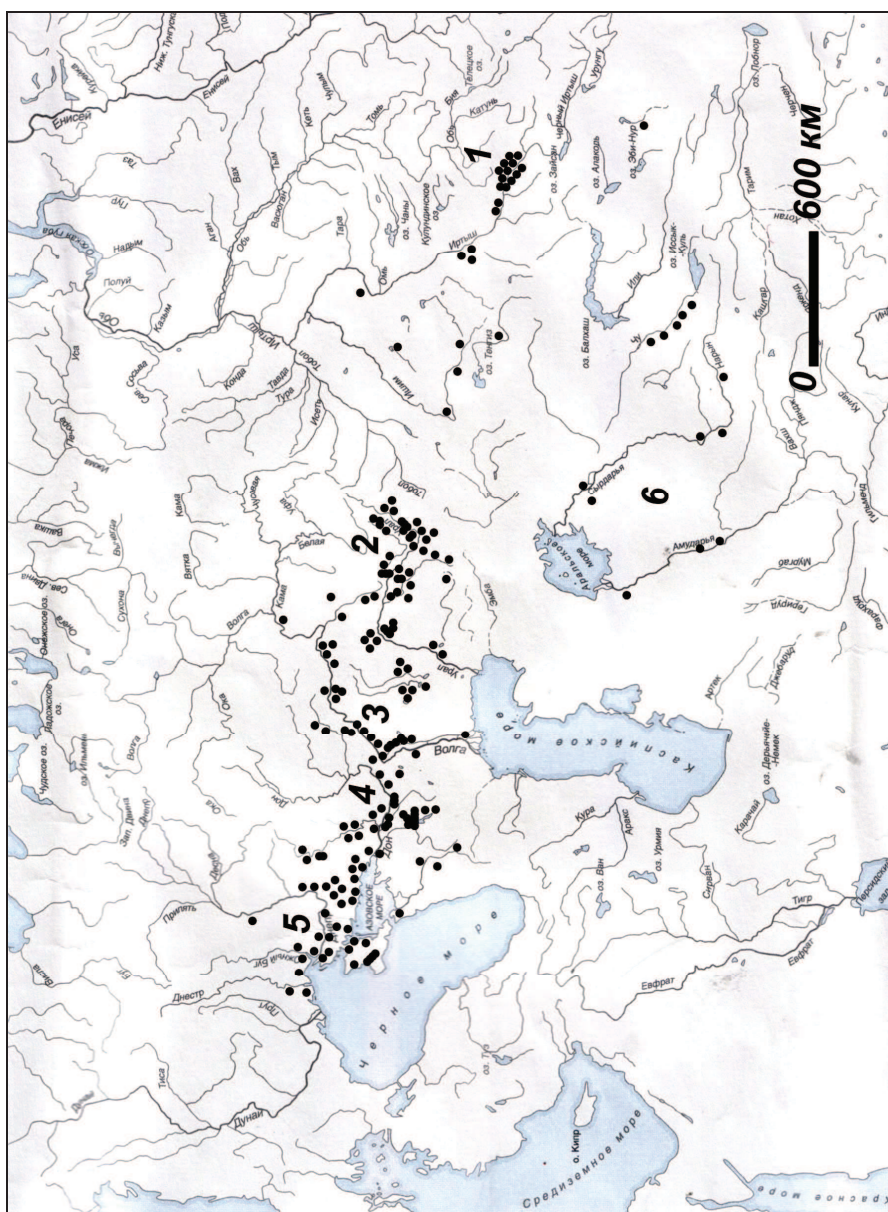

Рис. 1. Карта кочевнических могильников XIII–XIV вв. в степях Евразии

Figure 1. Map of the nomadic burial XIII–XIV centuries in the steppes of Eurasia

1 – Алтай (Аймырлыг–2, Гилево I–IX; Гилево XI–XVI; Корболиха II–X; Кураевка I; Павловка I–II; Сарыг-Хая; Сарыг-Хая III; Суханиха; Сухие Гривы; Хемчик-Бом VI; Часовенная гора; Черновая);

2 – Южное Приуралье (Ишкуловский II; Тлягуловский; Новый Кумак; Новый Кумак II; Новый Кумак III; Покровский IV; Большевик II; Большевик III; Комсомольский VI; Хабаровый I; Новочеркасский VII; Андреевский; Агапов-

ский I; Агаповские горы 10; Агаповские горы 19; Жаксы-Каргала; Жарсуат; Жаман-Каргала I; Линецкий одиночный; Шпаки II; Алебастрово II; Мертвецовский; Пчельник; Худай-Берген III; Худай-Берген IV; Тамар-Уткуль; 2-я верста от Илецкой зацеты; Озерновский III; Алабайтал; Башкир-Беркутово; Башкирское стойло; Бугуруслановский I; Кардаиловский; Жанаталапские; Жанаталапский II; Кардаиловский; Жанаталапские; Жанаталапский II; Жарсуат I; Ивановские IV; Имангулово II; Каменно-Озерный; Каратугайская волость; Линецкий; Новый Кумак; Урал; Покровский; Ишкуловский);

3 – Заvolжье и Западный Казахстан (Лебедевка IV; Березовский V; Новая База II; Пугачев; Федоровка; Салтак I; Лебедевка VIII; Озеро Раим; Мокринский I; Бахтияровка II; Бахтияровка III; Колобовка; Малаяевка; Зауморье; Маячный бугор; Ровное; Абашевский; Августовка; Александровский; Аткарский; Базар-Тюбе I; Балымерский; Байджигит; Барановский; Белокаменка; Белый Ключ; Бережновский; Бережновский I; Бережновский II; Блюменфельд; Блюменфельд, гр.А; Блюменфельд, гр.Б; Боаро; Болхуны; Буранчи I; Верхне-Погромное; Визенмиллер II; Визенмиллер III; Выгон г.Петровска; Гвардейцы; Гусевка; 74- Джангала, Сарайдин; Джангала; Джангала (Нов.Казанка); Джангала, Кара-Оба; Джангала, Сарайдин II; Заплавное; Курнаевка; Заяры; Зеленый; Золотушинская. Сев.гр.; Иловля; Казенная мельница; Лебедевка II; Лебедевка IV; Лебедевка VI; Камышин; Кировский III; Колобовка; Колобовка IV; Ленинское; Мамбеталы; Мамбетбай; Новая База; Челкар IV,V; Мустаево V; Лиман);

4 – Дон и Волго-Донское междуречье (Калмыкия) (Ают; Вербовый Лог VIII; Высокая гора; Елизаветинское городище; Каменная балка; Караяшник; Карповка; Колпачки; Красный Кут; Кулешовка; Лакедемоновка; Мануйловка; Марок; Нижняя Кунорючинская; Новая Меловатка; Первомайский VII; Русский колодез; Рябичевские; Семенкин; Сенной; Таганский; Хвоцеватка; Хутор Московский; Черемшино; Чиковский; Адрын; Архаринский II; Аткарский; Балкин Хутор; Большой Царын; Большой Царын I-II; Гаиунский; Гува I-III; Джангар; Западнее Эвдыка; Зергента II; Ики-Бурлинский; Ики-Зегиста; Иловля; Канал Волга-Чограй 42, 53, 56; Кермен-Толга; Кривая Лука; Купцын-Толга; Лола II-III; Маиевка; Му-Шарет-1; Петровский; Сенной; Станция №5 (гр.1); Станция №8 (Белая гора); Три Брата I,III; Элистинский; Цаган-Усн III,VII; Цаган-Эльсин; Царевщина; Шихан на р.Медведице; Яикуль, Яикуль III; Яикуль-86);

5 – Современная Украина, Крым (Александровка; Афанасьевский; Благодатный; Бражновский; Бузовка; Васильевский; Верхний Степок; Волошино; Градешка; Григорьевка; Грушевка; Дымовка; Житенко; Занудовка; Имение Н.А.Гана; Имение П.П.Высоцкого; Каменка; Камышеваха; Кислица; Колония Рыбальская; Котовка I,III; Красная могила; Красное; Лески; Липовец; Макеевка; Максимовка; Малая Камышеваха; Мамай-Гора; Миновка; Нижняя Дуванка; Николаевка; Новогригорьевка; Новогригорьевка III; Новониколаевка I; Ново-Подкряж; Новые Раскаецы; Острая могила; Парканы; Пески; Плоское; Полковое; Попасное; Пуркары; Рай-Городок; Рясные могилы; Сарта; Сербка; Совх.Красный; Станция Битумная; Степной; Суклея; Татарбранка; Траповка; у Березового Лимана; у кладбища с.Россава; у Разсыпного леса; Урочище Лучки; Филия; Херсонский уезд; Холодный Яр; Чауш; Черевков; Шахтерск);

6 – Средняя Азия (Кызган IV,V; Кызган-2, гр.3; Кызган-5; Некрополь г.Баба-Ата; Пскент; Уйгарак; Халчаян; Чордон).

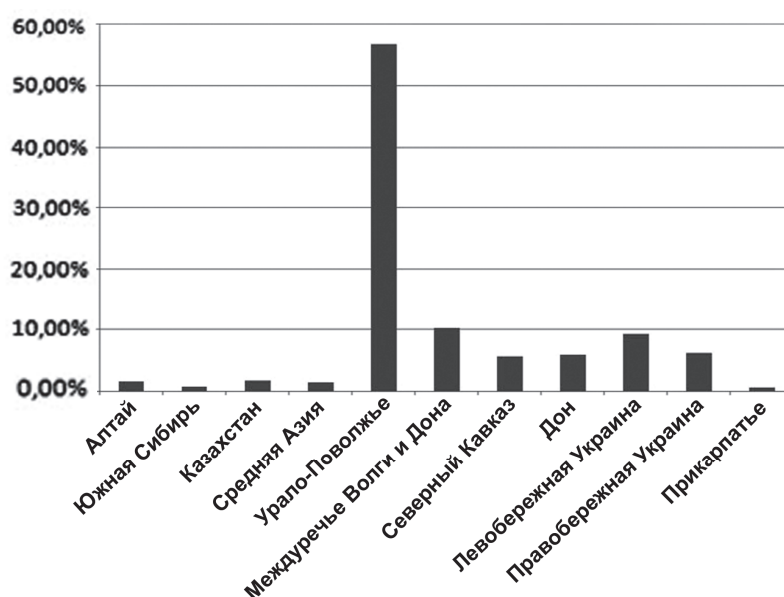

Рис. 2. Гистограмма распространения курганов XIII–XIV вв. в степях Евразии

Figure 2. Distribution Histogram mounds XIII–XIV centuries in the steppes of Eurasia

География погребений кочевников XIII–XIV вв. (время Золотой Орды) выглядит следующим образом: рис. 1 и 2. Чем она обусловлена? Хотелось бы верить, что только недостаточным вниманием наших сибирских и казахстанских коллег к поиску, исследованию и публикации материалов кочевнических погребений золотоордынского времени на востоке и в центре Великого пояса степей Евразии.

Ибо в противном случае мы имеем дело с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, истоки этно- и культурогенеза кочевников Золотой Орды мы традиционно ищем на востоке Евразийских степей. То есть, речь идет, по сути, о перманентных миграциях кочевников из недр Центральной Азии – в нашем случае Центральноазиатского или «монгольского генератора народов», по образному определению Л.С. Клейна – в Восточную Европу. Но если обратиться к достаточно сложной миграционной теории названного ученого, то, применительно к объекту нашего исследования – кыпчакам – ситуация должна соответствовать, как минимум, трем компонентам: эмиграция + переселение + иммиграция [1]. Применительно к рассматриваемому материалу первое археологически выражается в исчезновении в степях Восточной Европы погребений печенегов и огузов и их уходе в пределы Византийской империи и Венгерского королевства (что фиксируется письменными источниками и отчасти археологиче-

скими данными). Третье – зафиксированное письменными источниками и массовым археологическим материалом появление в степях Восточной Европы кыпчаков/половцев. А вот со вторым – сложнее. Как ни пытался я найти у Л.С. Клейна определение археологических признаков второго компонента – переселения – в его статье их нет. Следовательно, нужно исходить не столько из теории, сколько из реальных обстоятельств. Появление кыпчаков в степях Восточной Европы – это, безусловно, миграция и скорее всего – по модели выброса разовых миграций в основном на дальние расстояния (модель испанского археолога Гонсало Руиса Запатеро) [1].

Исходная ее территория, в принципе, тоже может быть принята: это 133 погребения в бассейне р.Алей (северо-западный Алтай), опубликованные в свое время В.А. Могильниковым [2], которые Ю.С. Худяков рассматривает как основу формирования археологической культуры кыпчаков [3]. Но вот вопрос – а куда девать более 1700 км по прямой от северо-западного Алтая до хотя бы юго-восточных предгорий Урала, зияющие археологической пустотой относительно кочевнических памятников предзолотоордынского и золотоордынского периодов? Ведь даже если предположить такую невероятную ситуацию, что всадник на средней рыси со средней скоростью в 6–7 км/час задался целью преодолеть это расстояние, ему для этого понадобилось бы 283 часа непрерывной езды или, как минимум, 40 дней (при условии, что в среднем лошадь может пройти около 40 км в день без отдыха). А если представить еще и транспортку «вежей» на быках – то и того больше.

Одним словом, либо в рассматриваемом случае мы имеем дело с выделенной в свое время С.А. Плетневой первой стадией кочевания, когда «разноэтническая, разноязыкая, разнокультурная масса племен и орд, объединенная под властью вождей в союзы племен или орд, постоянно двигалась по тысячекилометровым степям во враждебном окружении. У них не было ни постоянных становищ, на которых могли бы остаться культурные слои, ни постоянно функционировавших родовых кладбищ. Хоронили они чаще всего в курганах предыдущих эпох, рассыпанных по степи (так **называемые «впускные погребения»**), или просто в специально тщательно скрытых (затоптанных конями, заложенных дерном и даже затопленных рекой) могилах. Этот обычай скрывать места погребений дольше всего сохранялся в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа» [4, с. 16 и сл.]. Либо – с источниковой лакуной, обусловленной, как уже было сказано выше, пониженным интересом исследователей востока степной Евразии к степным кочевническим памятникам эпохи средневековья.

Если налицо первая из описанных ситуаций, то тогда еще полбеда: тогда мы можем и впредь еще долго создавать и читать наррати-

вы о бескрайних просторах Восточного Дашт-и-Кыпчака, заселенных неисчислимыми племенами кочевников, живших активной экономической и политической жизнью. А если вторая? Проверить-то мы это ничем не можем. Тогда «зависает в воздухе» целый исторический пласт, в частности, «Ак-Орда», в XIII–XIV вв., согласно К.З. Усенбаю, включавшая в себя всю территорию Казахстана к востоку от Яика (Урала), за исключением Жетысу и незначительных районов Южного Казахстана [5].

То есть, «государство» было, активно влияло на ход этнополитической истории степной Евразии, а материальных следов – никаких.

Вот налицо яркое проявление стагнации диалектики познания. В данном случае – диалектики кочевниковедения эпохи средневековья. Археологическая карта Казахстанских степей эпохи средневековья по сравнению с картой, опубликованной В.А. Могильниковым в 1981 г. [6, с. 242, рис. 70], практически не изменилась.

Стагнация в археологическом источниковедении порождает подчас выводы, не просто причудливые, но фантазмагорические. В прошлом году увидела свет уже упомянутая выше статья наших оренбургских коллег, посвященная публикации материалов ранее не публиковавшихся трех курганов из Новокумакского могильника (III северо-западная группа), исследованных С.Н. Заседателевой в 1989–1990 гг. [7] Сама публикация материала, безусловно, кроме благодарности к авторам, никаких иных чувств не вызывает. И если бы они ограничились описанием погребений и их датировкой, уже этого было бы вполне достаточно. Но авторы – их, конечно, право – предлагают и свою этнокультурную интерпретацию представленного материала. Суть ее сводится к тому, что расположение коня на ступеньке слева от человека, совпадающая у человека и коня ориентировка «являются характерными для тюркских домонгольских погребений степей Приуралья поэтому такие погребения были связаны с тюркским населением Дешт-и-Кыпчака» [7, с. 227]. Сразу возникает вопрос, какие тюркские домонгольские погребения степей Приуралья имеются в виду? Из 41 погребения домонгольского времени (половецкого/кыпчакского) в степях Урало-Поволжья известно только одно – Белозерское погребение на р.Самаре – в котором целый остов коня действительно лежит рядом с человеком.

Среди половецких/кыпчакских погребений Восточной Европы погребения под каменными конструкциями составляют 11,9% от 429 погребений, среди кочевнических погребений Золотой Орды (1020 погр.) – 20,2%. Соответственно, погребения в сопровождении целого остова коня составляют 11,2% у половцев и 6,07% – у кочевников Золотой Орды.

То есть, могло такое быть, что традиция захоронения погребенных под каменными конструкциями и в сопровождении целой конской туши была привнесена на Южный Урал с запада вследствие

переселения сюда кыпчаков/половцев в XIII–XIV вв.? Теоретически – не исключено, поскольку формальные количественные показатели обозначенных признаков этому не противоречат. Но так оно было бы, если бы мы знали археологическую ситуацию в рассматриваемое время в степях к востоку от Урала. А этого нет.

То есть, в данном случае мы имеем дело не с системой источниковедческих доказательств, а с археологическим дискурсом – или организацией системы речи, в соответствии с которой реальность классифицируется и репрезентируется для того или иного периода времени, исходя из целей и задач автора (в данном случае – авторов) нарратора.

Другим примером подобного дискурса является утверждение К.А. Руденко о том, что «с начала XIV в., в районе Камской и Волжской поймы фиксируется достаточно представительный массив кыпчакского населения, кочевавшего автономно от Джукетау и до Болгара. Если в этот период поселения, с которыми могло быть связано это население, нам неизвестны, то вполне логично предположение, что их пребывание здесь было не постоянным, а сезонным. Однако уже в конце правления хана Узбека эта ситуация стала меняться. К началу правления Хызра мы уже видим включение их в сельское население (погребение на Рождественском могильнике), причем в Камской пойме функционируют стационарные поселки, где зафиксированы следы занятий ремеслами и промыслами, а также предметы, привезенные из расположенных поблизости городов и сельских поселений» [8, с. 212]. То есть – налицо еще один пример развития столь популярной в последнее время у исследователей городской культуры Золотой Орды концепции седентаризации кочевников Золотой Орды. Могло такое быть в реальности? Не исключено – история знает массу примеров перехода кочевников к оседлости вследствие голода и обнищания (из недавних по времени примеров – вынужденное оседание на землю казахов, как следствие массового голода начала 1930-х годов). Имела ли место подобная ситуация в регионе в рассматриваемый нами период – мы не знаем. Точно так же, как не знаем, насколько в этнокультурном плане совпадали кыпчакский могильник Песчаный остров (расположенный на болгарском поселении XIII в.) и находящиеся неподалеку от него селища Дамба I–III, приводимые К.А. Руденко в качестве подтверждения тезиса о вливании кочевников в состав сельского населения Булгарского улуса Золотой Орды [9, с. 209].

Резюме: парадоксальная ситуация, сложившаяся в золотоордынском кочевниковедении, налицо. С одной стороны – мощный рост источниковой базы на западе степной Евразии, с другой – ее практически полное отсутствие на востоке субконтинента.

С одной стороны – наличие методических и эмпирических возможностей для глубокого источниковедческого анализа имеющегося

материала, с другой – подмена археологического источниковедения археологическим же дискурсом.

Конечно, дискурс – это вид научного творчества. Но в нем на первом плане стоит субъект познания с его эрудицией и талантом убеждать аудиторию. А археология – это все-таки наука источниковедческая. Следовательно, в ней на первом плане должен быть объект познания, т.е. источник. В нашем же случае – в изучении истории и культуры Золотой Орды – налицо биполярный подход к объекту познания: дискурсный (археологи) и нарративный (историки). Пока они не соединятся, мы в нашем представлении будем иметь, как минимум, два образа одного и того же государства, зачастую – не аутентичных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В.* Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург, 2014. С. 214–228.
2. *Клейн Л.С.* Миграция: археологические признаки / [Эл. Ресурс]. Адрес доступа: http://stratum.ant.md/01_99/articles/klein/klein_99_1_1.htm
3. *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 360 с.
4. *Могильников В.А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 194–200.
5. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 187 с.
6. *Руденко К.А.* Булгарский Улус Золотой Орды в правление хана Узбека (по археологическим материалам) // Золотоордынская цивилизация. 2013. №6. С. 20–220.
7. *Руденко К.А.* Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 189–211.
8. *Уксенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 30 с.
9. *Худяков Ю.С.* О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. 2004. №12. [Эл. Ресурс]. Адрес доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html>

Дата поступления статьи

26.06.2015 г.

Сведения об авторе: Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (450000, ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Российская Федерация).

Для цитирования: Иванов В.А. Археологическое источниковедение кочевников Золотой Орды или стагнация диалектики // Золотоординское обозрение. 2016. № 1. С. 182–192.

ARCHAEOLOGICAL SOURCE STUDY OF THE GOLDEN HORDE NOMADS OR STAGNATION OF DIALECTICS

Vladimir Ivanov

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University,
Department of General History and Cultural Heritage,
3a Oktyabr'skoy revolyutsii Str., Ufa 450000, Russian Federation
E-mail: ivanov-sanych@rambler.ru

The author of this article aims to draw the attention of his colleagues – researchers of the history and archaeology of the Golden Horde – on the state of the source base on the culture of the nomadic Golden Horde population. In his view, currently the source base could be characterized as being in paradoxical situation. According to the data, which the author has at his disposal, so far 1179 burials of pagan nomads of the 13th–14th centuries were examined and for the most part published. This number is 1,2 times greater than the number of nomadic burials of the 10th–14th centuries, which G.A. Fedorov-Davydov described in 1966 and who developed a typology and chronology of nomadic medieval antiquities of Eastern Europe. This amount will increase by 2–3 times if we also take into account the Muslim burials. At the same time, discovered and studied nomadic burials of the 13th–14th centuries in the steppes of Eurasia for the most part are found in the steppes of Eastern Europe and they are virtually unknown in the east of the Eurasian Steppe – in the area of the historical “generator” of nomadic peoples. We can explain this paradox either by using the S.A. Pletneva’s concept about three stages of nomadism, according to which the first stage did not leave any archeological monuments, or by the sources lacuna caused by the reduced interest of researchers of eastern Eurasian steppe toward the steppe nomadic monuments of the Middle Ages. The absence of a truly empirical approach to the archaeology of the Golden Horde nomads causes the knowledge stagnation of their history and culture. This is manifested in the creation of narrative discourse understandable only to the meta-ontological perception: about the White Horde – an extensive state east of the Yaik / Ural River; about sedentarization of the Kipchaks in the Jochid Ulus; about autochthonous subbase of the nomads of the 13th–14th centuries in the Ural-Volga region, and the like.

Keywords: Golden Horde, nomads, Kipchaks, migration, dialectic, stagnation discourse.

REFERENCES

1. Bytkovskiy O.F., Zasedateleva S.N., Matyushko I.V., Kharlamov P.V. Srednevekovye zakhroneniya Novokumakskogo mogil'nika (III severo-zapadnaya gruppy) [Medieval Burials of Novokumaksky Burial Ground (III northwestern group)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region]. Is. 11. Orenburg, 2014, pp. 214–228.
2. Kleyn L.S. *Migratsiya: arkheologicheskie priznaki* [The Migration: Archaeological Attributes]. Available at: http://stratum.ant.md/01_99/articles/klein/klein_99_1_1.htm
3. Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [Nomads of the Northwestern Foothills of the Altai in the 9th–11th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 360 p.
4. Mogil'nikov V.A. Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii XIII–XIV vv. [Monuments of the Nomads of Siberia and Central Asia of the 13th–14th centuries]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 194–200.
5. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostey* [The Nomads of the Middle Ages. The Search for Historical Regularities]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 187 p.
6. Rudenko K.A. Bulgarskiy Ulus Zolotoy Ordy v pravlenie khana Uzbeka (po arkheologicheskim materialam) [The Bulgar Ulus of the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek (based on archaeological materials)]. *Golden Horde Civilization*, 2013, no. 6. pp. 20–220.
7. Rudenko K.A. Kochevniki v Bulgarskom Uluse Zolotoy Ordy (po dannym arkheologii) [Nomads in the Bulgar Ulus of the Golden Horde (according to archaeological evidences)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga Region Archaeology], 2013, no. 2(4), pp. 189–211.
8. Uksenbay K.Z. *Vostochnyy Dasht i Kypchak v sostave Ulusa Dzhuchi v XIII – pervoy trety XV veka. Aspekty politicheskoy istorii Ak-Ordy. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The Eastern Dasht-i Kipchak within the Jochid Ulus in the 13th – the first third of the 15th centuries. Aspects of the Political History of the Ak Horde. Abstract of the Dissertation of the Candidate of Historical Studies]. Almaty, 2003. 30 p.
9. Khudyakov Yu.S. O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovykh kypchakov [On the Origin of the Medieval Kipchaks' Culture]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of the Altai]. 2004, no. 12. Available at: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html>

Received June 26, 2015

About the author: Ivanov Vladimir Aleksandrovich – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of General History and Cultural Heritage, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (3a Oktyabr'skoy revolyutsii Str., Ufa 450000, Russian Federation).

For citation: Ivanov V.A. Archaeological Source Study of the Golden Horde Nomads or Stagnation of Dialectics. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 182–192.